

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жизнь небольшой самоходно-артиллерийской установки СУ-76 оказалась короткой и яркой, словно падающая звезда. На всех фронтах в 1943—1944 годах воевали 14 тысяч этих машин, а к концу сорок четвертого года в строю их уже не осталось.

История, прославившая знаменитый танк Т-34, практически предала забвению судьбу самоходок СУ-76, хотя по массовости применения и своей активности, они занимали второе место после «тридцатьчетверки», далеко опередив нашу остальную бронетехнику, пусть более мощную и совершенную.

Это машина — легкая, маневренная (к сожалению, со слабой броней) и с самым совершенным на то время орудием ЗИС-3 — прославленного конструктора Василия Грабина появилась очень вовремя, в тяжелый для нас период войны.

Она отличалась небольшими размерами, умением хорошо маскироваться, быстро менять позиции, а самое главное, поражала со снайперской точностью своим сильным орудием танки, артиллерию, укрепления врага, выручая и прокладывая путь пехоте.

Владимир Першанин

Мне удалось найти считанных участников войны, воевавших на этих машинах. Жизнь самоходчиков была коротка. Но немцы несли немалые потери от точного огня внезапно появившихся на поле боя приземистых машин с дальнобойными пушками. Самоходки СУ-76, «сушки», как их называли, сумели ярко и смело прожить отпущенное им время.

Поклон этой славной машине и ее экипажам, которые навсегда остались в истории.

Глава 1

ПЕРВЫЙ БОЙ

Пехота спешно отступала. Несколько легких трехдюймовых пушек и «сорокапятков» — все, что осталось от полковой артиллерии, — продолжали вести беглый огонь. Был он торопливый, нервозный.

Артиллеристы выпускали снаряд за снарядом, порой не видя цели. Вокруг капониров плясали минные разрывы, находя все новые цели. Горел грузовик, на котором подвезли боеприпасы и пытались вывезти раненых.

Его накрыло попаданием в двигатель, убив водителя. Раненых грузили на оружейные передки, и ездовые нахлестывали лошадей, торопясь покинуть опасное место.

Очередная мина разбила одну из немногих легких пушек, оставшихся в строю, раскидала в стороны расчет. Орудийный передок, облепленный ранеными, пролетел сквозь оседающее облако дыма и земли. Ездовой, оглушенный непрерывным грохотом, бестолково размахивал кнутом. Артиллеристы цеплялись друг за друга, а пара лошадей неслась, выбирая нужное направление, спасая себя и людей.

Лейтенант Павел Карелин, высунувшись из открытой рубки легкой самоходно-артиллерийской

установки СУ-76, наблюдал в старый потрескавшийся бинокль то, что мог предвидеть еще вчера, когда мартовскую слякоть начало обдувать северо-восточным ветром. За считанные часы почву подморозило, а к ночи все сковало льдом.

Именно в такую погоду немцы обязательно возобновят наступление, которое они активно вели на Юго-Западном фронте с двадцатых чисел февраля. Слякоть и низкая облачность, мешающая авиации, дала несколько дней передышки той и другой стороне. Сегодня передышка, кажется, закончилась.

— Карела, танки видишь?

Рация действовала, как всегда, скверно. Но сквозь шипение и треск лейтенант все же различал команды командира батареи капитана Ивнева, который приказал до его сигнала себя не обнаруживать и огня не открывать.

Немецкие танки с остатками полковой легкой артиллерии в бой не ввязывались. Их планомерно и быстро добивали минами и выстрелами приземистого штурмового орудия («штурмгешютце») с короткоствольной 75-миллиметровой.

Основная часть бронированных машин — штук семь танков, несколько штурмовых орудий и бронетранспортеров, развивая скорость, отрезали отступавший стрелковый полк от леса, в котором он तो роился укрыться.

Германские танки шли клином. Впереди более легкие и скоростные Т-3, следом приземистые «штуги». Немного отставая, двигались тяжелые Т-4 с усиленной броней. Замыкали группу бронетранспортеры с десантом.

Самоходка по прозвищу «Сука»

Этот небольшой, но довольно мощный кулак прорвал оборону стрелкового полка. Артиллерийский и пулеметный огонь смешал в беспорядочную толпу роты, батальоны. Немцы, как всегда, боеприпасов не жалели. Теперь штурмовая группа вермахта стремилась догнать массу людей и повозок на обледенелом холмистом поле, прежде чем люди исчезнут в лесу.

За долгую мартовскую ночь мороз хорошо сковал землю и талый снег. Почва выдерживала даже тяжесть немецких танков Т-4. Громадины, по сравнению с другими машинами, высотой двести семьдесят сантиметров, они выделялись длинноствольными пушками с массивными дульным тормозом и высокими командирскими башенками, откуда было удобно вести обзор.

Батарею капитана Ивнева, состоявшую из пяти самоходных установок (сравнительно нового оружия Красной Армии), догадались перебросить уже в темноте. Когда стало ясно, что окопавшийся в раскисшей земле стрелковый полк и приданный ему саперный батальон могут угодить под танковый удар.

Как часто случалось, это были лишь полумеры. Пять самоходок СУ-76 вряд ли смогут удержать оборону, если немцы пустят хотя бы две полноценные танковые роты. Но у фельдмаршала Манштейна после Сталинграда бронетехники не хватало.

Это было второстепенное направление одного из ударов. Сюда собрали что могли, смешав танки новой усиленной модификации и все остальное, что попало под руку. Поэтому Григорий Ивнев, несмотря на численное превосходство немецких машин, надеялся неожиданным ударом отбить атаку.

Или, по крайней мере замедлить ее, и дать уйти из-под мясорубки измотанному отступлением стрелковому полку. Манштейн и его командиры твердо намеревались рассчитаться здесь, под Харьковом, за поражение под Сталинградом. Наше Верховное командование категорически приказывало сделать все возможное, чтобы остановить наступление.

Кроме самоходок обещали подбросить артиллерию и танки. Но экипажи одинокой батареи СУ-76 во главе с их командиром уже понимали, что помощи в ближайшее время не дождутся. В других местах обстановка складывалась не лучше.

Для батареи Ивнева это был первый серьезный бой. Полтора месяца полк находился в основном во втором эшелоне, принимая участие в небольших стычках местного значения.

Экипажи и командиры уже на практике знали слабые и сильные стороны своих машин. Мало надежды было на тридцать пять миллиметров лобовой брони (рубка всего двадцать пять), бензиновый, легко воспламеняющийся двигатель.

Зато компактные приземистые установки были увертливы, подвижны и при своих небольших размерах имели самую сильную на тот период противотанковую пушку ЗИС-3 калибра 76 миллиметров. Бронепойные снаряды взламывали броню немецких танков на расстоянии до километра, выводя из строя и поджигая машины в считанные минуты.

Орудия отличались точностью наводки, высокой скорострельностью и нанесли в 1942 году самые большие потери германской бронетехнике. Не зря ее конструктор Василий Грабин получил личную благодарность Сталина и несколько наград.

Самоходка по прозвищу «Сука»

Опытный артиллерист капитан Ивнев знал и другое. Немецкие конструкторы никогда не стояли на месте. В ответ на мощную пушку усиливали бронезащиту танков, и дальность поражения уменьшалась. Это необходимо было учитывать. Пожалуй, новые Т-4 на километр уже не возьмешь.

Несмотря на численное преимущество немецких танков, комбат надеялся на свои опытные экипажи. Новые самоходки по приказу Верховного были в основном укомплектованы опытными артиллеристами и механиками. Батарея застыла в укрытиях, ожидая команды Ивнева. Между тем стрелковый полк беспорядочно отступал, преследуемый стрельбой увеличившего ход немецкого танкового клина.

Две хорошо загруженные трехтонки ЗИС-5 из тыловой службы, торопясь уйти от немецких танков, неразумно спрямили расстояние и завязли в низине. Несмотря на небольшой угол подъема, колеса скользили по льду. Моторы ревели, выбрасывая крошево смерзшейся грязи, один из грузовиков развернуло поперек. Заряжающий на самоходке Карелина, ефрейтор Вася Сорокин, широколицый, здоровенный парняга, морщил покрытый пятнами оспы лоб. С высоты своего роста наблюдал за беспомощными грузовиками и костерил шоферов:

— Тыловики всегда первыми смываются. А эти, бля, совсем от страха башку потеряли.

Наводчик, старший сержант Михаил Швецов — в противовес Сорокину мелкий, жилистый — не отрывался от прицела, но команды открыть огонь не поступало. Комбат Ивнев учитывал численное превосходство противника и выжидал, когда расстояние сократится для точного и эффективного залпа.

Он лучше других понимал, что судьба боя зависит от первых, хотя бы пары, удачных выстрелов. Подковать, остановить один танк, оглушить попаданием экипаж второго. Внести минутную растерянность, замедлить ход вражеских машин и ударить еще раз, скорректировав прицел. Лишь бы фрицы не разглядели раньше времени батарею.

Снаряд взорвался метрах в тридцати от головного грузовика. Второй ЗИС-5 перевалил подъем и набирал скорость. Спрыгнувшие с машины десятка полтора бойцов бежали, пытаясь догнать его, но водитель, растерянный или напуганный, продолжал давить на газ, не обращая внимания на крики:

— Стой, гад!

— Подбери, убьют ведь!

Взрыв фугасного снаряда подкинул машину. Полетели выбитые доски кузова, обломки ящиков. Перебило задний мост, грузовик сел, как лягушка, на вывернутые колеса.

Следующий снаряд взорвался среди отступающих бойцов. Ударившись о лед, взрыватель сработал мгновенно. Сноп осколков и взрывная волна накрыли сразу человек шесть. Четверо неподвижно застыли на льду, двое бойцов, поднимаясь и снова падая, пытались добраться до прибрежных кустов.

Стреляло штурмовое орудие, «штурмгешютце», или «штуга», как их чаще называли. Тем временем какая-то из немецких машин врезала по крутившемуся на подъеме второму ЗИС-5 и подожгла его.

Там сидел водитель и двое снабженцев. Хоть и контуженные, они сумели выскочить и добежать до ближайших кустов. Танк не стал тратить еще один

Самоходка по прозвищу «Сука»

снаряд, а пулеметные очереди лишь смахнули голые прутья.

Если этим троим повезло, то взвод красноармейцев во главе со своим младшим лейтенантом, вынырнувший из зарослей тальника, оказался на линии огня.

Бежать быстро бойцы не могли. Они уже выдохлись и с трудом тащили под руки троих раненых. Да и сам лейтенант заметно хромал, подгоняя свою команду в длиннополых шинелях и ботинках с обмотками.

«Штуга» вывернулась с фланга неожиданно. Трехсотсильный двигатель «майбах» работал ровно, не выдавая себя ревом. Карелин понимал, что здесь, на открытом месте, штурмовое орудие прикончит взвод двумя-тремя осколочными снарядами и добьет из пулемета.

Экипаж «штуги» пока не видел самоходку Карелина, у СУ-76 высота тоже всего два метра. Да и подкопали, не поленились ночью, мерзлый снег. Наводчик, Миша Швецов, вел прицел следом за фрицем.

— Выстрел! — выкрикнул лейтенант.

Сержант не новичок, хорошо пострелявший в срок втором из пушки ЗИС-3, наверняка бы попал. Но считанными секундами ранее открыли огонь остальные самоходки, сразу же ударили немцы. «Штуга», с ее весом в двадцать тонн, мгновенно тормознула.

Предназначенная ей бронебойная болванка хоть и вылетела со скоростью 800 метров в секунду, но опоздала: врезалась в землю перед «штугой» с опережением и отрикошетила несколько раз подряд, раскидывая комья льда и смерзшегося снега.

Вражеская машина кругнулась, выцеливая коротким, но смертельно опасным стволом 75-миллиметровки самоходную установку Карелина.

Расстояние метров пятьсот. Броню «сушки», в два пальца толщиной, фриц пробьет наверняка. В короткий ствол-обрубок заложен либо подкалиберный, либо другой хитрый снаряд, например с донным взрывателем, — и тот и другой прикончат самоходку наверняка.

— Мишка, — почти стонал заряжающий Василий Сорокин, подавшись всем телом навстречу вражеской машине, — стреляй, мать твою...

Наводчик и без него знал свое дело. Ударил довольно точно. Не учел (вернее, не успел привыкнуть), что сильная ЗИС-3 своей отдачей встряхивает легкую «сушку», особенно когда она не имеет твердой опоры под гусеницами.

Пушка, которую ценил сам товарищ Сталин, врезала шестикилограммовую болванку с такой силой, что немца заметно развернуло. Сноп искр разлетелся на верхней части плоской рубки штурмового орудия.

— Есть! — заорал Сорокин, вбивая в ствол очередной снаряд.

Но болванка, пройдя вскользь, отрикошетила, сорвала запасное колесо с брони «штуги» и с воем ушла в морозное утреннее небо.

— А ну пусти, — рвался к прицелу лейтенант Карелин.

На несколько секунд возникло замешательство, которое могло стоить жизни всему экипажу. Карелину не нравилась излишняя самоуверенность наводчика.

Самоходка по прозвищу «Сука»

— Я сам, — торопился исправить ошибку старший сержант Швецов. — Не лезьте!

Но Карелин, тоже имевший опыт, уже ловил в прицел светло-серую приземистую тушу немецкой машины. Нажимая на рычаг, понял, что полкилометра — расстояние немалое.

Болванка ударила слегка развернувшуюся «штугу» под углом. Расколола массивное ведущее колесо, порвала гусеницу и смяла броню, не пробив ее. Широколицый, рябой Вася Сорокин, отшвырнув дымившуюся гильзу, уже вбросил в казенник новый снаряд.

— Готово, командир.

Он был уверен, что перекошенная немецкая самоходка с вывернутой боковиной, обломком колеса и порванной гусеницей уже не представляет опасности.

Ефрейтор Вася Сорокин ошибался. «Штуга», выровняв прицел и развернувшись на уцелевшей левой гусенице, выстрелила. Снаряд с жутким воем пронесся в метре над самоходкой.

— Добивайте вы ее, — орал механик-водитель Алесь Хижняк, отчетливо видя происходящее, высунувшись в открытый люк перед рубкой. — Она ведь нас прикончит!

Но Павел Карелин уже нажал на педаль спуска. Снаряд-болванка врезался в основание рубки, прямо под короткую пушку. Брызнул сноп искр, а через несколько секунд внутри «штуги» рванул боезапас.

Детонация смешала вместе тротиловые заряды фугасных снарядов, фосфорную начинку зажигательных, артиллерийский порох в объемистых гильзах и литров триста первосортного румынского бензина.

Вся эта гремучая смесь разорвала корпус вместе со всем содержимым, включая пятерых немецких артиллеристов. Из огненного клубка разлетались куски брони и двигателя, мелкие и крупные железяки, обрывки гусениц, множество смятых шипящих гильз и разорванные тела экипажа.

— Вот так, — удовлетворенно сказал Вася Сорокин, ловко вбрасывая в казенник очередной снаряд. — Бить — так наповал.

Между тем стрельба шла вовсю. Разогнавшийся Т-3, с крестами по бортам и спереди, нарвался на снаряд, угодивший в лобовую часть башни. На протяжении прошлого года немцы несколько раз наращивали толщину брони и довели ее сантиметров до семи.

Болванка тряхнула башню, перемолов мощным толчком зубцы поворотного механизма. Но броню не пробила. Впрочем, экипаж был контужен, башня не ворочалась. Самоходка, стоявшая справа от Карелина, выпустила второй снаряд, на этот раз продырявив броню насквозь.

Бронева защита в шесть-семь сантиметров не спасла, Т-3 задымил. Из люков выскакивали танкисты в коротких кожаных куртках и металлических шлемах.

— Надо добавить, — решили в самоходке, прежде чем сменить позицию. — Прикончить гада!

Новые машины, новая техника боя. Слабо бронированной «сушке», которая выигрывала за счет вертикальности, малого веса и сильного орудия, требовался постоянный маневр и смена позиции.

Даже для «тридцатьчетверки», с ее крепкой броней и утолщенной лобовой подушкой, упущенные

Самоходка по прозвищу «Сука»

секунды могла привести к тяжелому повреждению или гибели. Легкая СУ-76 просто не имела права в этих обстоятельствах на третий выстрел.

Но экипаж, возраст которого составлял в среднем 19 лет, хотел непременно добить, открыть счет уничтоженных фашистских «панцеров». И без того обреченный, окутанный дымом Т-3, с исковерканным механизмом и убитым командиром, полностью вышел из строя.

Третьего снаряда не требовалось. Но юный расчет его выпустил. Двадцатитонный модернизированный Т-3 вспыхнул в считанные секунды. Но также мгновенно загорелась от попадания подкалиберного снаряда советская самоходка. Вольфрамовый сердечник, раскаленный до белизны, с легкостью прошив броню, воспламенил внутри машины все, что могло гореть.

Грибовидным облаком взвился вспыхнувший бензин, затем рванул боезапас — шесть десятков снарядов. Самоходную установку с открытой сверху и на корме рубкой распорол, как жестянку, выбросив горящие обломки, смятые гильзы, тела экипажа.

Надежную пушку перевернуло, воткнув стволом в землю. Рядом горело тело наводчика без рук. Виднелись черные дымившиеся останки еще одного самоходчика, оторванная по колено нога в сапоге, искореженный автомат, ключья тлеющей фуфайки. Лед вокруг плавился, растекаясь бурными от крови и машинного масла ручейками.

Четверо немецких танкистов, успевших выпрыгнуть из Т-3, бежали к коптившему грузовику ЗИС-5, единственному укрытию поблизости.

Интендант, шофер и несколько красноармейцев, тоже нашедших здесь убежище, открыли торопливый огонь из «нагана» и винтовок.

Стреляли едва не в упор. От злости и пережитого страха мазали, но сумели уложить двоих «панцер-гренадеров» в их добротных куртках и блестящих металлических шлемах. Двое других, тоже получившие несколько пуль, из последних сил вломились в камыш и забились в гущу желтых метелок.

Капитан Ивнев вел бой с тяжелым Т-4, одновременно пытаясь командовать батареей. Он прошел Халхин-Гол, который не был победным маршем для наших танков. Получил за храбрость медаль «За отвагу», но самое главное — боевой опыт. Тот самый, который помог ему выжить в первый год войны и, отступая, постичь науку бить врага.

Григорий Макарович Ивнев видел, как непростительно увлекся поединком с танком и погиб один из его экипажей. Он кричал остальным:

— Не подставляться! Бить с коротких остановок!

Затем бросил микрофон. Обвешанный звеньями гусениц Т-4 вынырнул из-за кучки осин, остановился, нашаривая длинным стволом самоходку Ивнева. Обе машины уже обменялись парой выстрелов, промахнулись и сближались, выцеливая друг друга.

По слухам, у Т-4 последнего образца лобовая броня достигала семи сантиметров, плюс дополнительная защита — звенья гусениц. Чтобы вывести его из строя, надо ударить точно.

Причем если у немца с его качественной усиленной броней, есть шанс выдержать попадание, то снаряд, который угодит в «сушку» с ее легкой бронезащитой, наверняка будет смертельным. Обычная

болванка, выпущенная из 75-миллиметровой пушки, прошибает за километр восемь сантиметров брони. А у СУ-76 броня всего три сантиметра, да и расстояние между врагами куда меньше, чем километр.

Снова два выстрела подряд. Наводчик тяжелого Т-4 крутил рукоятку наводки, доводя прицел до нужной точки. Оптика у фрицев первоклассная, с третьего раза не промажет.

Но у ЗИС-3 имелось еще одно преимущество — самая высокая скорострельность среди этого класса орудий. Заряжающий и сам Ивнев, не отрываясь от окуляра наводки, опередили первоклассную машину вермахта с ее наворотами, точной оптикой, кумулятивными и подкалиберными снарядами.

Трехдюймовая болванка, сработанная из добротной уральской стали, врезалась в лоб «панцера», между пулеметом и смотровой щелью водителя. На этот раз почти не было искр, снаряд шел под прямым углом. Взвилось облако дыма, мелкой окалины, донесся глухой лязг удара.

Бронебойный снаряд — всего лишь кусок металла. Но раскаленный, разогнавшийся до огромной скорости, пробив броню, он рушит и зажигает внутри танка все подряд. Черное небольшое отверстие выглядело безобидным. Но судя по тому, как замерла и прекратила всякое движение машина весом двадцать три тонны, снаряд сработал как надо.

Открылся левый боковой люк. Вместе с клубком дыма выкатился танкист. Второй выбирался следом. Товарищ протянул руку, помогая вылезти. Но, пробивая дым, стремительным штопором закрутился язык огня. Хлестнул, как огнеметом, выползающего танкиста и отбросил в сторону пытавшегося помочь ему камрада.